

Regular | *Italic*

6/9

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS WERE STRUCK BY THE ESSENCE OF THE MATTER: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side, and rode off, thus saving himself ten kopecks. Occupied with the obnoxious cat, Ivan almost lost the main one of the three – the professor. But, fortunately, the man had not managed to slip away. Ivan saw the grey beret in the throng at the head of Bolshaya Nikitskaya, now Herzen, Street. In the twinkling of an eye, Ivan arrived there himself. However, he had no luck. The poet would quicken his pace, break into a trot, shove passers-by, yet not get an inch closer to the professor. Upset as he was, Ivan was still struck by the supernatural speed of the chase. Twenty seconds had not gone by when, after the Nikitsky Gate, Ivan Nikolayevich was already dazzled by the lights of the Arbat Square. Another few seconds, and here was some dark lane with slanting sidewalks, where Ivan Nikolaevich took a tumble and hurt his knee. Again a lit-up thoroughfare – Kropotkin Street – then a lane, then Ostozhenka, then another lane, dismal, vile and sparsely lit. And it was here that Ivan Nikolaevich definitively lost him whom he needed so much. The professor disappeared. Ivan Nikolaevich was perplexed, but not for long, because he suddenly realized that the professor must unfailingly be found in house №15, and most assuredly in apartment 47. Bursting into the entrance, Ivan Nikolaevich flew up to the second floor, immediately found the apartment, and rang impatiently. He did not have to wait long. Some little girl of about five opened the door for Ivan and, without asking him anything, immediately went away somewhere. In the huge, extremely neglected front hall, weakly lit by a tiny carbon arc lamp under the high ceiling, black with

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS WERE STRUCK BY THE ESSENCE OF THE MATTER: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side, and rode off, thus saving himself ten kopecks. Occupied with the obnoxious cat, Ivan almost lost the main one of the three – the professor. But, fortunately, the man had not managed to slip away. Ivan saw the grey beret in the throng at the head of Bolshaya Nikitskaya, now Herzen, Street. In the twinkling of an eye, Ivan arrived there himself. However, he had no luck. The poet would quicken his pace, break into a trot, shove passers-by, yet not get an inch closer to the professor. Upset as he was, Ivan was still struck by the supernatural speed of the chase. Twenty seconds had not gone by when, after the Nikitsky Gate, Ivan Nikolayevich was already dazzled by the lights of the Arbat Square. Another few seconds, and here was some dark lane with slanting sidewalks, where Ivan Nikolaevich took a tumble and hurt his knee. Again a lit-up thoroughfare – Kropotkin Street – then a lane, then Ostozhenka, then another lane, dismal, vile and sparsely lit. And it was here that Ivan Nikolaevich definitively lost him whom he needed so much. The professor disappeared. Ivan Nikolaevich was perplexed, but not for long, because he suddenly realized that the professor must unfailingly be found in house №15, and most assuredly in apartment 47. Bursting into the entrance, Ivan Nikolaevich flew up to the second floor, immediately found the apartment, and rang impatiently. He did not have to wait long. Some little girl of about five opened the door for Ivan and, without asking him anything, immediately went away somewhere. In the huge, extremely neglected front hall, weakly lit by a tiny carbon arc lamp under the high ceiling, black with grime, a bicycle without tyres hung on the wall, a huge iron-bound trunk stood, and on a shelf over the coat rack a winter hat lay, its long ear-flaps hanging down. Behind one of the doors, a resonant male voice was angrily shouting something in verse from a radio set. Ivan Nikolaevich was not the least at a loss in the unfamiliar surroundings and

8/11

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS WERE STRUCK BY THE essence of the matter: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side, and rode off, thus saving himself ten kopecks. Occupied with the obnoxious cat, Ivan almost lost the main one of the three – the professor. But, fortunately, the man had not managed to slip away. Ivan saw the grey beret in the throng at the head of Bolshaya Nikitskaya, now Herzen, Street. In the twinkling of an eye, Ivan arrived there himself. However, he had no luck. The poet would quicken his pace, break into a trot, shove passers-by, yet not get an inch closer to the professor. Upset as he was, Ivan was still struck by the supernatural speed of the chase. Twenty seconds had not gone by when, after the Nikitsky Gate, Ivan Nikolayevich was already dazzled by the lights

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS WERE STRUCK BY THE essence of the matter: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side, and rode off, thus saving himself ten kopecks. Occupied with the obnoxious cat, Ivan almost lost the main one of the three – the professor. But, fortunately, the man had not managed to slip away. Ivan saw the grey beret in the throng at the head of Bolshaya Nikitskaya, now Herzen, Street. In the twinkling of an eye, Ivan arrived there himself. However, he had no luck. The poet would quicken his pace, break into a trot, shove passers-by, yet not get an inch closer to the professor. Upset as he was, Ivan was still struck by the supernatural speed of the chase. Twenty seconds had not gone by when, after the Nikitsky Gate, Ivan Nikolayevich was already dazzled by the lights of the Arbat Square. Another few seconds, and here was some dark lane with slanting sidewalks, where Ivan Nikolaevich took a tumble and hurt his knee. Again a lit-up

10/13

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS WERE struck by the essence of the matter: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side, and rode off, thus saving himself ten kopecks. Occupied with the obnoxious cat, Ivan almost lost the main one of the three – the professor. But, fortunately, the man had not managed to slip away. Ivan saw the grey beret

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS WERE struck by the essence of the matter: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side, and rode off, thus saving himself ten kopecks. Occupied with the obnoxious cat, Ivan almost lost the main one of the three – the professor. But, fortunately, the man had not managed to slip away. Ivan saw the grey beret in the throng at the head of Bolshaya Nikitskaya, now Herzen, Street. In the twinkling of an eye, Ivan arrived there himself. However,

12/16

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS were struck by the essence of the matter: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on

NEITHER THE CONDUCTRESS NOR THE PASSENGERS were struck by the essence of the matter: not just that a cat was boarding a tram-car, which would have been good enough, but that he was going to pay! The cat turned out to be not only a solvent but also a disciplined animal. At the very first shout from the conductress, he halted his advance, got off the footboard, and sat down at the stop, rubbing his whiskers with the ten-kopeck piece. But as soon as the conductress yanked the cord and the tram-car started moving off, the cat acted like anyone who has been expelled from a tram-car but still needs a ride. Letting all three cars go by, the cat jumped on to the rear coupling-pin of the last one, wrapped its paws around some hose sticking out of the side,

Меню & Menu

ЗАКУСКИ / APPETIZERS

Трюфель чёрный (1гр)	— 260 —	Black truffle (1gr)
«Крудо ди маре» <i>Устрица Жилардо, красная креветка, лангустин, тар-тар из красного тунца, карпаччо из белого тунца, маринованный лосось, филе сибаса, камчатский краб</i>	— 4500 —	Crudo di mare <i>Gillardeau oyster, red shrimp, langoustine, red tuna tar-tar, white tuna carpaccio, marinated salmon, sea bass fillet, Kamchatka crab</i>
Устрицы <i>Жилардо / Белый Жемчуг</i>	— 420 —	Oysters <i>Gillardeau / White Pearls</i>
Живой лангустин «крудитэ» <i>с тонко нарезанными французскими артишоками</i>	— 1600 —	Live langoustine “crudite” <i>with sliced french artichokes</i>
Карпаччо из сибаса <i>с вялеными томатами Даттерини и спаржей</i>	— 1150 —	Sea Bass carpaccio <i>with sun dried Datterini tomatoes and asparagus</i>
Карпаччо из говядины <i>с жареными артишоками и Моцареллой</i>	— 1250 —	Beef carpaccio <i>with fried artichokes and Buffalo Mozzarella cheese</i>
Подкопчённая гусиная грудка <i>со свежими ягодами</i>	— 1250 —	Smoked goose breast <i>with berries</i>
Тар-тар из филе средиземноморского Пагра <i>с манго и авокадо</i>	— 1550 —	Mediterranean Pagrus fillet tar-tar <i>with mango and avocado</i>
Салат с перепёлкой и белыми грибами <i>жаренный с чесноком и розмарином</i>	— 1480 —	Green salad with warm quail and ceps <i>fried with garlic and rosemary</i>
Фуа-гра «Торшон» <i>с лесными ягодами</i>	— 1250 —	Foie gras “Torchon” <i>with wild berries</i>
Капрезе с Моцареллой «Буффало» <i>и лигурийским соусом песто</i>	— 1250 —	Caprese with buffalo mozzarella <i>and ligurian pesto sauce</i>
Итальянские колбасы <i>окорок ягненка, салями из гуся, мортаделла и Пармская ветчина</i>	— 1550 —	Italian sausages <i>Lamb gammon, Goose salami, mortadella and Parma ham</i>
Итальянские сыры <i>Пекорино Аль Бароло, Качокавалло, Каприно, Пекорино Тоскано, Таледжо, Пармезан, Горгонзола</i>	— 1280 —	Italian Cheeses <i>Pecorino Al Barolo, Caciocavallo, Caprino, Pecorino Toscano, Taleggio, Parmesan, Gorgonzola</i>

₽

Regular | *Italic*

От Луки святое благовествование

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен.

6/8

Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. Оба они были праведны пред Богом, поступаая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно. У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах преклонных. Однажды,

когда он в порядке своей чреды служил пред Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, а все множество народа молилось вне во время каждения, — тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются, ибо он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей;

и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный. И сказал Захария Ангелу: по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных. Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время. Между тем народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит в храме. Он же, выйдя, не мог говорить к ним; и они поняли, что он видел видение в храме; и он объяснялся с ними знаками, и оставался нем. А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой. После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев и говорила: так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми.

8/10

В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

10/13

Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем.

12/16

И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа. И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его;

14/22

От Луки святое благовествование

Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил, чтобы ты узнал твердое основание того учения, в котором был наставлен.

Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник из Авиевой чреды, именем Захария, и жена его из рода Ааронова, имя ей Елисавета. Оба они были праведны пред Богом, поступаая по всем заповедям и уставам Господним беспорочно. У них не было детей, ибо Елисавета была неплодна, и оба были уже в летах пре-

клонных. Однажды, когда он в порядке своей чреды служил пред Богом, по жребию, как обыкновенно было у священников, досталось ему войти в храм Господень для каждения, а все множество народа молилось вне во время каждения, — тогда явился ему Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, смутился, и страх напал на него. Ангел же сказал ему: не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь ему имя: Иоанн; и будет тебе радость и веселие, и многие о рождении его возрадуются, ибо он будет велик пред Господом; не будет пить вина и сикера, и Духа Святаго исполнится еще от чрева матери своей;

и многих из сынов Израилевых обратит к Господу Богу их; и предъидет пред Ним в духе и силе Илии, чтобы возвратить сердца отцов детям, и непокоривым образ мыслей праведников, дабы представить Господу народ приготовленный. И сказал Захария Ангелу: по чему я узнаю это? ибо я стар, и жена моя в летах преклонных. Ангел сказал ему в ответ: я Гавриил, предстоящий пред Богом, и послан говорить с тобою и благовестить тебе сие; и вот, ты будешь молчать и не будешь иметь возможности говорить до того дня, как это сбудется, за то, что ты не поверил словам моим, которые сбудутся в свое время. Между тем народ ожидал Захарию и дивился, что он медлит в храме. Он же, выйдя, не мог говорить к ним; и они поняли, что он видел видение в храме; и он объяснялся с ними знаками, и оставался нем. А когда окончились дни службы его, возвратился в дом свой. После сих дней зачала Елисавета, жена его, и таилась пять месяцев и говорила: так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми.

В шестой же месяц послан был Ангел Гавриил от Бога в город Галилейский, называемый Назарет, к Деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же Деве: Мария. Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца. Мария же сказала Ангелу: как будет это, когда Я мужа не знаю? Ангел сказал Ей в ответ: Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя; посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Вот и Елисавета, родственница Твоя, называемая неплодною, и она зачала сына в старости своей, и ей уже шестой месяц, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. Тогда Мария сказала: се, Раба Господня; да будет Мне по слову твоему. И отошел от Нее Ангел.

Встав же Мария во дни сии, с поспешностью пошла в нагорную страну, в город Иудин, и вошла в дом Захарии, и приветствовала Елисавету. Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святаго Духа, и воскликнула громким голосом, и сказала: благословенна Ты между женами, и благословен плод чрева Твоего! И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем.

И блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа. И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем, что призрел Он на смирение Рабы Своей, ибо отныне будут ублажать Меня все роды; что сотворил Мне величие Сильный, и свято имя Его;